

для актуализации на русской почве иностранного произведения, а только передал добросовестно французский текст. Можно, разумеется, возразить, что эпиграмма была намеренно подобрана так, чтобы ее перевод прозвучал намеком на Свистунова; но при отсутствии в портрете Стозмея каких-либо конкретных отражений реального лица, в котором подозревается его прототип, этот аргумент, сам по себе применительно к данному случаю надуманный (нужно ведь, чтобы во французской поэзии существовала столь идеально подходившая к частным реалиям русской жизни 1769 г. эпиграмма и чтобы она к тому же попала в поле зрения издателя «Смеси»), не имеет веса.

Метила ли французская эпиграмма в реальное лицо или в тип, она была рассчитана на то, чтобы уязвить самолюбие дворянина и осмеять сословную спесь, обнажив никчемность человека, чьим единственным «достоинством» является благородное происхождение. Таков контекст, в котором выступает глагол «siffler» французского подлинника; в подобном же контексте оказывается и его русский эквивалент. Едкая сатира на дворянское чванство была введена в журнал уже во втором листе переводом стихотворения «Сон г. Патрикаса». Здесь она возникает безотносительно к какому-либо реальному лицу; но затем обретает конкретность в цитированной выше из письма Д. К. характеристике Стозмея как ревностного и фанатичного защитника интересов своего сословия. В этом преломлении она развивается далее двумя эпиграммами, заключающими номер, в котором напечатано письмо. В первой из них, открывающейся напоминанием о сословной принадлежности Стозмея, выставляются на осмеяние низкие свойства его души; во второй, давшей толчок опровергаемой гипотезе, — его общественная никчемность и бесполезность.

Именно этот смысл и передает глагол «свистеть», не подразумевая никакого иного.

Выяснение того, что эпиграмма была переводной, и сопоставление русского текста с подлинником прояснило истинное ее содержание и окончательно сняло толкование, из которого выросли хитроумные, любопытные, правдоподобные, но, как оказывается, чисто произвольные и неверные построения. Рассмотренный пример особенно поучителен потому, что именно при исследовании «Смеси» практически применяется сформулированный в 1950-е гг., получивший с тех пор повсеместное признание и принимаемый в настоящее время едва ли не за аксиому тезис о принципиальной допустимости и возможности игнорировать наличие в русской сатирической журналистике 1769—1774 гг. переводных материалов и рассматривать их как если бы они были полностью оригинальными сочинениями русских авторов.²⁵ Этот тезис, как известно, приобрел значение одной из основных методологических

²⁵ Рычкова Г. П. Некоторые жанры сатирической прозы в журнале «Смесь» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1980. Вып. 4. С. 19—29.